

Алена Яворская

Флирты Французского бульвара

Пять бульваров есть в Одессе: старые Приморский, Итальянский, Французский, Лидерсовский, и молодой – Жванецкого.

Все они красивы, но, бесспорно, самый красивый, самый длинный и самый «одесский» – Французский.

Да и как иначе? Французская речь звучала здесь с первых дней оснований города, французские аристократы управляли Одессой, французские модистки одевали одесситок, а одесситы пили французские вина. И слово «любовь» так красиво звучит именно на французском...

«Бульвар Французский весь в цвету», – поется в знаменитой песне. И что с того, что черемуха здесь никогда не цвела, а цвела сирень и благоухали акации?

Воздух Французского бульвара кружит голову, совсем рядом, за зеленью и дворцами-дачами – море. И девушки в таком обрамлении становятся красивее и возвышеннее, и слова любви легче слетают с уст.

Яркий пример тому – Валентин Катаев, трубадур Французского бульвара. Почти в каждой его повести об Одессе этот бульвар упоминается. Да и как иначе – здесь он впервые целовался. «Я тоже не захотел отстать от товарищей и, замирая от страха, так как еще никогда в жизни не целовался, посвистел Зойке. Она проворно сбежала по лестнице со своего третьего этажа в развевающемся розовом платье и, не выразив никакого удивления, что свистел я, мало знакомый ей мальчик, взяла меня за руку, и мы через узорчатые чугунные ворота, сохранившиеся еще с пушкинских времен на Французском бульваре, побежали

к морю, вскарабкались на скользкую скалу, поросшую снизу водорослями и мхом, и, не теряя времени, начали целоваться, причем я был страшно смущен своим неумением целоваться, даже покраснел от стыда, но она не обратила на это внимания».

И самая литературная любовь Вали Катаева – Ирен Алексинская – жила на Французском бульваре, 23.

Ирен, я видел Вас во сне,
И нынче полон только Вами.
Как хорошо, как сладко мне
Писать о Вас, Ирен, стихами...

Твое сиреневое имя
В душе, как тайну, берегу...

И стихи, написанные о доме на Французском бульваре:

И вновь к тебе. Который раз?
Которое звено?
За мигом – миг. За часом – час.
И вот – твоё окно.
И все как прежде. Тот же дом,
И только ночь светлей.
И только свет в окне твоём
От месяца темней.

В этот дом приходил Валя Катаев – влюбленный гимназист, затем влюбленный прапорщик, из этого же дома 18 ноября 1918 года он вышел после разрыва, оглушенный горем, и через Французский бульвар спустился вниз, к морю:

Вверху молчали лунные сады,
Прибой у скал считал песок, как четки.
Всю эту ночь у дремлющей воды
Я просидел на киле старой лодки.
И ныло от тоски все существо мое.
Тоска была тяжелей черной глыбы,

И если бы Вы поняли ее,
То разлюбить, я знаю, не смогли бы.

Это он написал в 1918.

А через 32 года в «Зимнем ветре» тетя Пети Бачея будет сердито выговаривать племяннику: «Хорош же ты будешь, друг мой, когда твоего милого тещюшку благоверное воинство повесит на первом же фонаре на углу Пироговской и Французского бульвара! Кроме того, я совершенно не понимаю, что ты нашел в мадемуазель Ирен? Самая банальная генеральская дочка».

А спустя 62 года, в 1980, Ирен-Миньона станет героиней «Юношеского романа»: «Миньона была хороша собой, не слишком, но все-таки... Она была нарядна, неглупа, начитанна, дочь генерала, у нее были сиреневые глаза, бронзовые волосы в крупных завитках. Она была склонна к флирту, который называла на английский манер флёрт. <...> короткий и грустный роман с Миньоной, ее горячие руки, кошачьи глаза в осажденном, лишенном света городе, при звуках ночной винтовочной стрельбы, и быстрое охлаждение Миньоны, когда она вдруг меня разлюбила, и я всю ночь просидел на берегу моря на шаланде, перевернутой дном вверх».

В том же 1918 часам к пяти на Французском бульваре можно было встретить веселую компанию молодых, но уже знаменитых поэтов. Они направлялись к Зинаиде Шишовой, которая жила на даче в глубине бульвара.

«Собирать всех не нужно было. Все сами сходились ко мне ежедневно к пяти часам дня. У меня в комнате не было стола и стульев. Двери тоже не было. Единственная – в соседнюю комнату – была заложена кирпичом. Входили ко мне через окно. Я не была любезной хозяйкой, внешняя сухость была у нас в большом ходу. Но я ждала товарищей и волновалась, когда они запаздывали.

Раньше всех приходил Багрицкий. Он шел, ворча, и камни скачивались из-под его ног. Визжали подошвы по щебню. Он шел напрямик, через малофонтанские свалки, по битым чашкам и куриным перьям. Он приходил и требовал есть.

Потом легко прыгивал Толя Фиолетов. Я и сейчас узнала бы его походку. Олеша в то лето мало у меня бывал. Мы были разделены территориально, так как не ходил трамвай. Нам пятерым

было меньше ста лет, а самому старшему из нас не минуло еще двадцати трех. Забавлялись мы разное, но всегда Эдуард был инициатором и главным актером.

Иногда расставлялись на ковре белые, даренные «на счастье» фаянсовые слоны, и он извивался между ними и шипел. Он был «старший питон» джунглей.

Я очень хорошо помню, как Эдуард, по-пиратски повязанный красным платком, с петлей на шее, изображал Фому Ягненка, идущего на виселицу, а Толя Фиолетов с подушкой на животе – его беременную и вероломную подругу.

Этот же красный платок участвовал в другой картине. Эдя повязывал им лицо, нахлобучивая кепи на глаза, подымал воротник, вытягивал вперед руку и крючком выпускал палец. Он крался вдоль стены, как кошка. Это была «Маска, которая смеется, или Железный Коготь».

И не об этой ли даче писал влюбленный в очаровательную Зику Анатолий Фиолетов:

Решетка, сделанная грубо,
Над нею светит цифра «пять».
Ах, на прощанье только губы
Позвольте мне поцеловать.

На небе – добрая старушка –
Куда-то спряталась луна,
А мне смешная ваша мушка
Над верхнею губой видна.

В конце бульвара – роскошная дача Григория Маразли, бывшего городского головы, мецената, человека известного и уважаемого. Но и здесь не обошлось без коварного Амура.

Маразли был ценителем женской красоты, увлечения его были воистину королевскими – ему приписывали и роман с Евгенией Монтихо, будущей французской императрицей, и с Сарой Бернар – королевой сцены.

Но то, что в 70 с лишним он женится? На женщине, почти вдвое младше, – невесте было 45 лет. И здесь без коронованных особ

не обошлось. Об ухаживаниях Григория Григорьевича написал сам «король фельетона» Влас Дорошевич:

«Дорошевич был остроумным человеком. Вот одно из его *mots*: всем в Одессе было известно, что богач Маразли ухаживает за m-me Кич, которую звали Тамара. Дорошевич по этому поводу сказал:

Маразли кичится,
а Тамара злится
(а та – маразлится)» –

вспоминал Александр Биск.

Мария Кич часто выступала на сцене в любительских спектаклях, которые ставились все на той же даче Маразли. Имя ее окутано легендами. В Одессе рассказывали, что во время революции обнищавшая красавица торговала пирожками, а потом король Греции послал в Одессу греческий военный корабль специально за одной женщиной, Тамарой Маразли.

Впрочем, жизнь ее была интереснее легенд, об этом написали Сергей Решетов и Лариса Ижик в статье о Марии Фердинандовне Кич-Маразли в 36 выпуске альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

А потом Французский бульвар стал Пролетарским. Но еще долго называли его старым названием.

Именно по Французскому бульвару шли в город с кинофабрики ВУФКУ Юрий Яновский и Александр Довженко. Молодые влюбленные друзья-соперники направлялись в оперный театр. Там танцевала коварную Тайах, жену фараона Потифара, прекрасная Ита Пензо.

Первым увидел ее Яновский: «Перші хвилини я не думаю ні про віщо. Я відчуваю насолоду, милуючись чудесною жінкою. Трохи згодом я кажу собі, що справа більша, ніж я собі уявляю. А ще згодом – мені хочеться переплисти для неї океан і море».

Всего через два года он напишет повесть «Майстер корабля» – о кино и о любви, о своем друге Довженко (в книге – Сев) и Ите (называя ее именем ее героини, Тайах):

«Ми сидимо всі гуртом на ліжкові: я, Тайах і Сев. Навпроти нас ходить високий режисер, а на каналі сидить кінооператор в окулярах.

Я відчуваю біля себе тепле плече жінки, вона чудово пахне – якийсь солодкий, тремтячий запах, як звук віоліни. Мені хочеться

сказати їй якусь приємність, показати себе веселим і цікавим, і... красивим.

– Ви танцювали, як єгиптянка, – наче жагуча пристрасть текла в вас.

Тайах весело сміється й лукаво поглядає на мене й на Сева. Вона дуже стримана й холодна взагалі, а коли сміється – робиться близькою. Для всіх людей в неї холодний погляд і професійна усмішка балерини – одним ротом, білими зубами. <...>

Троє голів укупі, три перемішаних дихання, троє рук разом (Сев поклав і свою руку на наші), сутінь кімнати, дружба, до якої увійшла жінка повноправною серединою. Цю групу можна вирізьбити на піраміді, бо вона є синтез і натхнення. Тишу перекласти на камінь, і вона буде тремтіти в напруженні. На неї падають тіні подій, але вона вічна. Троє голів укупі!».

Яновский напишет о ней в книге, Довженко снимет ее в своем фильме «Сумка дипкурьера», но все же прекрасная Тайах выйдет замуж не за одного из друзей, а за гениального оператора Владимира Нильсена. Его жизнь напоминала лихой приключенческий роман. В 1923 году за непролетарское происхождение отчисленный из Ленинградского университета, он нелегально пробирается в Германию – учиться. Увлекается кинематографом, становится членом компартии Германии, знакомится с Эйзенштейном и возвращается с ним в СССР. Он снимал фильмы «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга». В 1937 был арестован и расстрелян.

И это последняя история Французского бульвара. Потом он окончательно стал Пролетарским.

Все флирты Французского бульвара с легким привкусом горечи – словно раскусили цветок сирени с пятью лепестками. Той самой сирени, запах которой доносится с дач Французского бульвара.

Горькое счастье, но оно было.

И цветет Французский бульвар каждую весну, и цветение это в памяти – на всю жизнь. Гуляйте, влюбляйтесь, пока еще есть Французский бульвар, пока бежит по нему трамвай, стоят ворота Отрады и старые дачи в глубине бульвара.